

Eugène Ionesco

LA PHOTO
DU COLONEL

Эжен Ионеско

ФОТОГРАФИЯ
ПОЛКОВНИКА

НОВЕЛЛЫ

*Перевод с французского
Елены Лебедевой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.133.1-32
ББК 84(4Фра)-44
И75

ISBN 978-5-7516-1554-3

© Editions GALLIMARD, Paris, 1962

© Е. Лебедева, перевод, 2020

© «Текст», издание на русском языке, 2020

ОРИФЛАММА

— Ну почему, — сказала Мадлен, — почему ты не заявил о его смерти сразу? Или не избавился от трупа раньше, когда это было проще!

А! Я ленив, апатичен, не привык к порядку, до такой степени утомлен, что с трудом двигаюсь! Вечно забываю, куда запихнул свои вещи. Трачу на поиски уйму времени, порчу себе нервы, ищу до полного изнеможения, перерываю ящики, ползаю под кроватями, рыскаю в темных комнатах, копаюсь в шкафах. Бесперывно хватаюсь за новые дела и никогда не довожу их до конца, бросаю свои идеи по дороге, мне на все плевать... У меня нет воли, потому что нет настоящей цели!.. Если бы не приданое моей жены, кое-какие доходы...

— Ты десять лет ничего не делаешь! В доме запах уже! Соседи встревожены, интересуются, откуда он... В конце концов, они все узна-

ют... А всему причиной твоя бездеятельная натура. Нужно было все рассказать комиссару. А теперь начнутся истории!.. Если б можно было хотя бы доказать, что он умер десять лет назад! По прошествии десяти лет истекает срок давности!.. Заяви ты о его смерти вовремя, сейчас он бы уже истек!.. Мы жили бы спокойно, как все!.. Не приходилось бы прятаться от соседей, мы бы жили как нормальные люди, принимали гостей...

«Но, Мадлен, нас бы арестовали! Какой срок давности — мы уже десять лет как сидели бы в тюрьме или вообще попали на гильотину — это же очевидно!» — это я собирался ответить ей таким образом. Что будешь делать с женской логикой! В общем, я предоставил ей болтать, стараясь не слушать.

— У нас все плохо — из-за него! Ничего не получается! — снова вскричала Мадлен.

— Это всего лишь предположение.

— И потом — он занимает лучшую комнату в нашей квартире: это же наша спальня!

Я вышел и повернул налево по коридору, делая вид, будто направляюсь в уборную. Хотел посмотреть на мертвеца в спальне — наверное, уже не менее чем в десятитысячный раз...

Я открыл дверь. Надежды никакой — сам собой он не исчезал. И он еще подросток. Скоро ему потребуется другой диван. Борода ста-

ла длиннее и достигла колен. Хорошо хоть, Мадлен стригла ему ногти...

Тут как раз послышались ее шаги. Никогда мне не удавалось остаться наедине с группом. Всякий раз она заставляла меня врасплох, несмотря на тщательные предосторожности. Она постоянно была начеку, шпионила за мной, не допускала свободы действий, звала меня, шла по пятам, всегда была тут как тут.

Я страдаю бессонницей. Она — нет. Мадлен спит отлично, несмотря на все наши несчастия.

Так вот, иногда посреди ночи я вылезал в темноте из постели, надеясь на крепкий сон Мадлен. Я очень старался, чтобы кровать не скрипела, тихо добирался до двери; но стоило мне взяться за ручку, как зажигался ночник. Мадлен уже высовывала ногу из-под одеяла и спрашивала: «Ты куда? Посмотреть на него? Подожди меня!»

Другой раз, думая, что она занята на кухне, я устремлялся к комнате мертвеца в бессмысленной надежде побыть с ним наедине хоть несколько секунд. Но она уже сидела там, держала усопшего за плечо и поджидала меня.

Итак, и на этот раз я не удивился, что Мадлен идет за мной и сейчас по обыкновению начнутся упреки... Я отметил, как кра-

сиво сверкает в сумерках взгляд мертвеца... Но на нее эта странная притягательность не действовала.

— Десять лет назад ты даже не потрудился опустить ему веки!

— Это правда... — смиренно согласился я.

— Ну как можно, — продолжала она, — быть до такой степени рассеянным?! И только попробуй сказать, что у тебя не было времени — ты ж целыми днями ничего не делаешь!

— Не могу же я думать обо всем!

— Ты не думаешь ни о чем!

— Ну ладно. Знаю. Ты мне повторяешь это уже в сотысячный раз!

— А знаешь, так почему не исправляешься?

— Что ж ты сама-то не закрыла ему глаза?!

— Мне есть чем заняться, кроме того как все время ходить за тобой, начинать то, что ты не доделал, кончать то, что ты бросил, и без конца наводить порядок! На мне квартира, готовка; я стираю, штопаю, натираю паркет, меняю белье ему и тебе, вытираю пыль, мою посуду, пишу стихи и продаю их, чтобы увеличить наши жалкие доходы, пою у открытого окна, несмотря на все заботы, чтобы соседи не заподозрили, что у нас что-то не так, — ты же отлично знаешь, что у нас нету прислуги. А! что б ты делал без меня с теми грошами, что ты зарабатываешь!..

— Ну, ладно, ладно, — лепетал я, совсем раздавленный. И пошел из комнаты.

— Ты куда? Забыл, что надо опустить ему веки!

Ну, я вернулся, приблизился к труп. Как же он стар, как он стар, как он стар! Мертвецы стареют быстрее, чем живые. Можно ли, например, в этом узнать красивого молодого человека, который однажды вечером десять лет назад явился к нам с визитом, внезапно влюбился в мою жену и — воспользовавшись моим пятиминутным отсутствием — в тот же вечер стал ее любовником?

— Вот видишь, — продолжает Мадлен, — если бы наутро после убийства ты отправился в комиссариат и заявил, что убил его в припадке ярости — что было чистой правдой, — из ревности, потому что это было убийство на почве ревности, тебя бы даже не побеспокоили; тебе пришлось бы подписать небольшое заявление, которое подшили бы к делу; потом тебя отпустили бы, а дело уже давно бы закрыли. И в таком положении мы пребываем лишь по твоей небрежности. Всякий раз, когда я тебе говорила: «Пойди сделай заявление», — ты отвечал: «Завтра, завтра, завтра!» И вот это «завтра» — уже десять лет подряд. И что нам теперь делать? Это ты виноват, ты!..

— Я пойду завтра, — говорю я в надежде, что она оставит меня в покое.

— О! Отлично тебя знаю; никуда ты не пойдешь. И к тому же какой теперь в этом смысл? Слишком поздно. Кто поверит, что ты убил его в приступе гнева — спустя десять-то лет! Когда десять лет выжидаешь, это как раз похоже на умысел. Я вот думаю, что можно было бы на самом деле им рассказать, если бы мы захотели, чтобы все было по закону?.. Он ведь постарел, ты мог бы, если что, сказать, что он твой отец и ты убил его вчера. Но, наверное, это не прошло бы как смягчающее обстоятельство.

— Нам бы не поверили. Нам бы не поверили, — бормотал я.

Я — человек здравомыслящий; мне недостает воли, но рассуждаю я трезво. Отсутствие логики у Мадлен, ее бессвязные и бессмысленные суждения всегда были мне невыносимы.

— Пошли отсюда! — произнес я и сделал два шага.

— Ты опять забыл закрыть ему глаза! Думай немного о том, что тебе говорят! — прокричала Мадлен.

Прошло еще полторы недели. Он старел и рос — все быстрее и быстрее. Мы были в ужасе. Совершенно очевидно, у него развивалась неизлечимая болезнь мертвецов — рост в геометрической прогрессии. Как он сумел ее подхватить в нашем доме?

На диване он теперь не помещался. Пришлось положить тело на паркет. Таким образом освободился предмет мебели, и мы поставили его в столовой. Впервые за десять лет я смог растянуться на диване после обеда и задремать. Но тут меня внезапно разбудили вопли Мадлен.

— Ты оглох? — набрасывалась она, как безумная. — Тебе на все наплевать, ты дрыхнешь весь день...

— Потому, что я ночью не сплю!

— ...как будто в доме ничего не происходит! Послушай!

Из комнаты мертвеца раздавалось потрескивание. Куски штукатурки, должно быть, падали с потолка. Стены скрипели, с трудом выдерживая какие-то толчки. Пол даже в столовой ходил ходуном, квартира сотрясалась и пошатывалась, казалось, мы на палубе корабля. Треснуло окно — стекла полопались и разлетелись осколками. К счастью, это было окно во внутренний двор.

— Что подумают соседи? — отчаивалась Мадлен. — Пойдем поглядим!

Но едва мы сделали два шага в направлении комнаты мертвеца, как дверь поддалась, с грохотом упала и разбилась; на полу появилась огромная голова старика со взглядом, упертым в потолок.

— Глаза все еще открыты, — заметила Мадлен.